



**Ex
Ungue
Leonem**



**Ex
Ungue
Leonem**

К 90-ЛЕТИЮ ЛЬВА САМУИЛОВИЧА КЛЕЙНА

УДК 902
ББК 63.4

Редакционная коллегия:

Л. Б. Вишняцкий (ответственный редактор),
А. Г. Козинцев, В. А. Лапшин, Б. А. Раев, М. Е. Ткачук, О. В. Шаров

Рецензенты:

д. и. н. *Ю. Е. Березкин* (МАЭ РАН),
чл.-корр. РАН *Е. Н. Носов* (ИИМК РАН)

Ex Ungue Leonem : Сборник статей к 90-летию Льва Самуиловича Клейна /
отв. ред. Л. Б. Вишняцкий. — СПб.: Нестор-История, 2017. — 360 с.

ISBN 978-5-4469-1154-7

В сборнике статей в честь выдающегося российского археолога Льва Самуиловича Клейна представлены работы его коллег из России, Австралии, Англии, Германии, США и Молдавии. Тематика статей отражает основные направления научных интересов Л. С. Клейна, среди которых теория и история археологической науки, спорные вопросы археологии медного и бронзового века, варяжская проблема и другие. Книга рассчитана на археологов, историков, этнографов и представителей смежных с этими науками дисциплин.

УДК 902
ББК 63.4

ISBN 978-5-4469-1154-7



© Авторы и переводчики, 2017
© Б. Х. Петрушанский, О. А. Куклина, оформление, 2017
© Издательство «Нестор-История», 2017

Содержание / Contents

<i>Вишняцкий Л. Б., Раев Б. А.</i> Предисловие	5
<i>Vishnyatsky L. B., Raev B. A.</i> Foreword	

О Клейне / About Klejn

<i>Козинцев А. Г.</i> Клейн и мы	9
<i>Kozintsev A. G.</i> Klejn and the rest of us	
<i>Лич С. Л. С.</i> Клейн и Р. Г. Коллингвуд об истории, археологии и криминалистике	13
<i>Leach S. L. S.</i> Klejn and R. G. Collingwood on history, archaeology, and forensic science	
<i>Тихонов И. Л. Л. С.</i> Клейн как историк археологии	24
<i>Tikhonov I. L. L. S.</i> Klejn as a historian of archaeology	

История археологии. Наука, люди, судьбы / History of Archaeology

<i>Murray T.</i> Does the history of archaeology serve a practical purpose?	41
<i>Муррей Т.</i> Служит ли история археологии практическим целям?	
<i>Васильев С. А.</i> Франсуа Борд и отечественная школа палеолитоведения	53
<i>Vasiliev S. A.</i> François Bordes and the Russian school of Paleolithic research	
<i>Кузьминых С. В., Усачук А. Н.</i> «С нетерпением жду ответа от Вас» (письма Н. Е. Макаренко Э. Х. Миннзу)	64
<i>Kuzminykh S. V., Usachuk A. N.</i> "Looking forward to hear from you soon" (N. E. Makarenko's letters to E. H. Minns)	
<i>Кирпичников А. Н., Ефимов С. В.</i> Дело Всеволода Арендта. Возвращенная память	93
<i>Kirpichnikov A. N., Efimov S. V.</i> The case of Vsevolod Arendt. Restored memory	

Медь и бронза / Copper and Bronze

<i>Манзура И. В.</i> Восточная Европа на заре курганной традиции	107
<i>Manzura I. V.</i> Eastern Europe at the dawn of the kurgan tradition	
<i>Избицер Е. В.</i> Модели «арбы» и погребение с повозками из кургана 9 могильника Три Брата I	130
<i>Izbitser E. V.</i> "Arba" models and a burial with wagons from kurgan 9 of the Tri Brata I cemetery	
<i>Кашуба М. Т.</i> Идеи и материалы на исходе бронзового века на западе Северного Причерноморья	139
<i>Kashuba M. T.</i> Ideas and materials at the end of the Bronze Age in the west of the North Black Sea region	
<i>Сава Е., Кайзер Э., Сырбу М., Мистрянэ Е.</i> Новые исследования поселений с «золянками» эпохи поздней бронзы в Пруто-Днестровском междуречье ..	151
<i>Sava E., Kaiser E., Sirbu M., Mistreanu E.</i> New works at the Late Bronze Age settlements with "ashmounds" in the Prut-Dniester interfluvium	
<i>Палагута И. В.</i> Антропоморфная пластика неолита — медного века Европы: проблемы и перспективы исследования	179
<i>Palaguta I. V.</i> Anthropomorphic figurines of the Neolithic and Copper Age Europe: the problems and prospects of research	

Платонова Н. И. «Неонорманизм», постмодернизм и Славяно-варяжский семинар: размышления археолога.....	203
Platonova N. I. "Neonormanism", postmodernism and Slavonic-Varangian seminar	
Мусин А. Е. «Столетняя война» российской археологии	223
Musin A. E. "Hundred Years War" in Russian archeology	
Романчук А. А. Варяжский антропонимикон ПВЛ (до середины X века) и антропонимикон скандинавских рунических надписей: сравнительный анализ	245
Romanchuk A. A. The Varangian anthroponyms of Primary Chronicle (prior to the middle of the X c.) and the anthroponyms of the Scandinavian runic inscriptions: a comparative analysis	
Санкина С. Л. О западнославянской версии происхождения словен новгородских, скандинавской проблеме и древнеевропейском субстрате (данные антропологии)	256
Sankina S. L. The presumed origin of Novgorod Slavs from West Slavs, the Norse problem, and the European Urvolk in the light of physical anthropology	
Назаренко В. А. Приладожская курганная культура, колбяги и все-все-все ..	275
Nazarenko V. A. Ladoga Kurgan culture, Kolbjags, and All, All, All	

Язык вещей / Language of Things

Раев Б. А. Гагатовые пряжки из Жутовского могильника. Археологические признаки миграций.....	291
Raev B. A. Jet buckles from the Zhutovsky cemetery. Archaeological signs of migrations	
Шаров О. В. Концепция «живой» и «мертвой» культур Г.-Ю. Эггерса — Л. С. Клейна и возможности познания прошлого на примере изучения амфорной тары.....	306
Sharov O. V. H.-J. Eggers' and L. S. Klejn's concept of "live" and "dead" culture and the possibility of apprehension of the past (with special reference to amphora tare)	
Воронятков С. В. Сарматская пара «зеркало — ножницы» в Усукском кладе предметов стиля «варварских эмалей»	317
Voroniatov S. V. Sarmatian set "mirror — scissors" in the Usukh hoard of "enamelled-style" items	
Виноградов Ю. А. Молотильный ток или сельское святилище? К интерпретации объекта, открытого на поселении Артющенко-1 (Таманский полуостров).....	322
Vinogradov Yu. A. The threshing floor or the rural sanctuary? To the interpretation of the site found at the settlement Artyushchenko-1 (Taman peninsula)	
Белецкий С. В. Размеры и вес актовых печатей.....	334
Beletsky S. V. Size and weight of business seals	

Злоба дня: «археология» под черной маской / Acute: Archaeology under the Black Mask

Щавелёв С. П. Российская археология в черно-белую полоску (развивая критику Л. С. Клейном незаконной добычи древностей и уточняя отношение к ней дипломированных археологов)	345
Shchavalev S. P. Russian archaeology striped black and white (developing L. S. Klejn's criticism of illicit antiquities trade)	

Список сокращений / Abbreviations	356
Сведения об авторах / Authors.....	358



О Клейне

А. Г. Козинцев

Клейн и мы

*Тем, кто любит и ищет истину, не может быть не тесно
в любых марширующих рядах, куда бы они ни маршировали.*
Борис Пастернак

...и призрачность заслуг в глазах ничтожеств.
Шекспир

Это вторая моя статья, посвященная Льву Самойловичу, первая вышла в предыдущем юбилейном сборнике «Археолог: детектив и мыслитель». Мне доводилось писать и о других моих учителях — И. И. Гохмане (не раз), А. Д. Столяре, Я. А. Шере. Каждому из них я многим обязан и ни с одним из них мне не хотелось спорить — менее всего по юбилейному поводу. О разногласиях в подобных статьях если и упоминаешь, то вскользь, сосредоточиваясь на чертах личности. И не потому, что жанр честования в принципе исключает спор, а потому что общаться с ними можно было, не то чтобы обходя острые углы, но уж точно не стремясь их отыскать. Так жить комфортнее, но от Клейна, которому я обязан не меньше, я научился другому — не смягчать противоречия, когда дело касается самого для нас дорогого. Amicus Plato, но «не для ласковых слов я выковыывал дух».

Так мы общаемся вот уже более полувека. Я не только превратил в полемику с ним предыдущую юбилейную заметку, но ухитрился даже статью о Шере использовать в качестве очередного повода для спора с Клейном. Лев Самойлович не остается в долгу. Не успел я совсем недавно опубликовать предварительный вариант своей гипотезы происхождения индоевропейцев, как мой учитель немедленно и публично (в Интернете) разнес ее в пух и прах, после чего, как ни в чем не бывало, спросил моего совета — где, по моему мнению, этот разнос можно было бы напечатать? Лишь в его устах такой вопрос не кажется издевкой.

Он не церемонился ни со студентами, ни с академиками. Когда я добрался до середины своей первой курсовой работы — про скифские золотые нашивные бляшки, — мой руководитель захотел посмотреть черновики. Меня эта просьба ужаснула, но выхода не было. Поглядев мои наброски, Лев Самойлович сказал: «Представь себе, что ты повар, а я посетитель ресторана, и вот зашел к тебе на кухню, а там грязь и беспорядок. Захочется ли мне есть кушанье, которое ты приготовил?» Вторую курсовую он предложил мне написать про

марани — грузинский вариант древних керносов (восточносредиземноморских сосудов с добавочными сосудиками сверху). Ему хотелось, чтобы я обнаружил между ними генетическую связь, но я и тут его разочаровал. Официальный отзыв на защите был таким: «Я бы не сказал, что перед нами ленивый исследователь, но я вижу тут ленивую, вернее, несмелую мысль». После такого в самый раз повеситься, но сделай я это, я бы не написал дипломную работу и не заслужил его похвалу на защите.

Физики делятся на теоретиков и экспериментаторов. Археологам в таком праве отказано. Каждый археолог-практик мнит себя теоретиком по совместительству и именуется истинных теоретиков «кабинетными учеными». Такое слышишь и от иных учеников Клейна, причем талантливых. А ведь возразить на это просто. Археология — не физика? Так ведь и этнология не физика, а что сказал Фрэзер, когда его спросили, доводилось ли ему жить среди тех дикарей, о которых он столько написал? «God forbid!» — ответил тот. Титул «armchair anthropologist» был им вполне заслужен, но его «Золотая ветвь» не поблекла и в наши дни. Можно подумать, что практик Малиновский, живший среди «дикарей» (которых он именовал «ниггерами»), причем не столько ради науки, сколько для целей британской колониальной политики, навсегда заменил теоретическую антропологию практической! Другим кабинетным теоретиком был Дюркгейм, а Кант так и не выезжал из Кёнигсберга. Да и кому придет в голову требовать от каждого теоретика практической деятельности? Невысоко же археологи-практики ставят свою науку, если отказывают коллегам в праве заниматься чистой теорией!

В сутках 24 часа, в году 365 дней, а если повезет — 366. Так для всех. Но археологи-практики тратят огромную часть этого времени на раскопки, разведки, написание отчетов, обработку материалов, а достигшие высот — еще и на административную деятельность. Чем же, по их мнению, занимаются кабинетные теоретики, свободные от таких занятий? Ведь легко сообразить — надо быть либо форменным недоумком, либо отпетым лентяем, чтобы не суметь потратить такую уйму времени на что-то полезное. У Клейна мощный интеллект и на работу он до недавнего времени тратил почти все время, которое оставалось от сна и еды. Каков же результат? Реакцией большинства практиков до недавнего времени было отторжение, в лучшем случае доброжелательно-юмористическое. Ростовский археолог Е. В. Вдовченков в шутку выразил это так: «Слава богу, есть Л. С. Клейн — вот пусть он и теоретизирует!»

В худшем же случае не было и доброжелательности. Гамлет сетовал на «призрачность заслуг в глазах ничтожеств». Клейну было хуже — многие из тех, кто презирал его теории, отнюдь не ничтожества, а люди, увенчанные лаврами и добившиеся высших постов в академической иерархии. «Мне кажется, Лев Самойлович сам во всё это не верит», — бросил один из них на его кандидатской защите. А другой начертил на полях книги одного из тех, для кого клейновские теории — не пустой звук: «Вот откуда это логическое суетумудрие: это же Лёва Клейн!!!» Так вот чем, оказывается, занимаются теоретики, по мнению иных практиков. Смотрящие в корень нашли более ядовитый синоним — талмудизм. Что на это сказать? Диалектичность действительно свойственна еврейской учености, но ни Сократ, ни Гегель вроде бы не были евреями.

Суетумудрие — пустое умствование. Выходит, избыток времени тратится попусту. Зачем мудрствовать, усложнять, создавать теории, в которых предстоит еще разбираться и разбираться, если для практических целей и так все

ясно? Да, но обратная сторона этой мнимой ясности — дефицит логики, примитивизм, косноязычие, многословие, хвастовство, игнорирование зарубежного опыта, слабая конкурентоспособность, словом, весь букет с могилы той поры, когда мы были оторваны от мировой науки. Оторванности больше нет, теперь можно пригласить в совместный проект иностранцев. Они с радостью изучат наши материалы, включат нас в число соавторов, поднимут за нас много тостов — а напишут все равно по-своему. И хорошо еще, если пришлют черновик статьи на согласование! Да ведь он по-английски, его так сразу не прочтешь, а с языками и с Интернетом мы не в ладах... Уму непостижимо, как можно не знать английского и не пользоваться Интернетом, если наш вклад в мировую науку — горсточка песка на морском берегу? Можно пригласить в проект представителей смежных наук, но и это не поможет восполнить отсутствие европейской образованности, широты кругозора, стройности мышления. Короче говоря, всего того, чему еще в студенческие годы можно было бы научиться у людей вроде Клейна. А впрочем, никакого «вроде» здесь быть не может. Клейн вне конкуренции. И до чего же повезло его ученикам!

Есть три стадии ученичества. На первой стадии ученик сознательно и немело копирует внешние черты стиля учителя. На второй он осваивает суть его научного метода. А на третьей стадии, которая длится всю оставшуюся жизнь, он бессознательно, спустя многие десятилетия, воспроизводит все это, будучи уверен, что теперь-то он сам зрелый исследователь, а посему и метод, и стиль — его собственные. Особенно интересно обнаруживать скрытые заимствования, когда пути учителя и ученика разошлись, кажется, необратимо, и развилка давным-давно скрылась из виду. «Мы приходим к неожиданному, но непреложному выводу: у юмора нет никакой семантики» (это из моей книги 2007 г. о смехе); сравните: «Отсюда... вытекает неожиданный, но непреложный вывод: каткомбная культура не существует» — это из статьи Клейна 1970 г. Обратите внимание на общий ход мысли: нечто, казавшееся незыблемым, вдруг, неожиданно для нас самих, рушится под натиском диалектики. Не в подобных ли неожиданных заключениях заключена главная радость научной работы? Кстати, и в трудах Льва Самойловича можно, по его словам, заметить отголоски научного стиля его учителя М. И. Артамонова.

Любая навязываемая сверху доктрина вызывает критическую реакцию Клейна — и соответствующие неприятности для него. Маршировать в ногу с более дисциплинированными коллегами он никогда не мог. Так было с марризмом, антинорманизмом, ортодоксальным марксизмом. Но вот наступило время перемен, Клейн деятельно включается в создание Европейского университета — уж там-то никто никому ничего навязывать не будет! Поначалу надежды сбываются, новое начальство его превозносит — а потом начинается та же маршировка, только в противоположном направлении. Клейну становится тесно и в этих рядах.

«В развертывающейся дискуссии я вижу спор с мощным натиском постмодернизма. Натиск этот сказывается в деконструкции основных, фундаментальных понятий ряда наук. В этнографии это дискредитация понятия “этнос” (реквием по этносу), в археологии — радостное избавление от трудного понятия “археологическая культура”, а заодно и понятий “первобытное общество”, “бронзовый век” и т. п., в физической антропологии — трусливое прятанье от понятия “расы” (дабы избежать расизма)». Это написано им в Интернете, а вот что было сказано с трибуны Европейского университета: «Вы, Николай Евгеньевич (это декану

постмодернистского Смольного колледжа Копосову. — А. К.), начитавшись модных французских дурачков-конструктивистов, типа Мишеля Фуко (общий хохот в зале), склонны думать, что исторической реальности нет, что это наивное представление XIX века, что все в истории — наши конструкции... Нет, Николай Евгеньевич, история — наука. Есть твердые исторические факты... и есть фальсификации... И это никогда, понимаете, никогда, ни при каких условиях не может быть опровергнуто. Никого научного спора тут не может быть».

Обратим внимание на ремарку в стенограмме. На съездах советского времени смех значил коллективное одобрение, самих ораторов не высмеивали (выступления Сахарова и Афанасьева на съезде народных депутатов в 1989 г. прерывались не смехом, а гневными возгласами). А тут можно понять двояко: в душе-то мы с тобой согласны, но надо ведь привыкать к новому стилю маршировки, а ты, по обыкновению, ходить в строю отказываешься — так почему бы над тобой не посмеяться, как академики некогда смеялись над твоим суемудрием?

Ту встречу в Европейском университете организовал вместе с Копосовым некий новоиспеченный боец идеологического фронта, археолог по образованию, поступавший в аспирантуру этого вуза, дабы продолжить свои занятия, но переквалифицировавшийся там в «политолога» и «борца за гражданские права» (о, эти новые эвфемизмы!). Когда я посетовал на это Клейну, тот написал, что потеря невелика: «Всегда был на верхнем уровне заурядности. Таким и остается». А про новоявленного историка российской антропологии он выразился еще сильнее: «Заносчивая дура, напичканная постмодернистскими идеями». Их сочинения подобны политическим доносам былых времен. Их любимое занятие — деконструировать ученых и науку (другая дамочка из той же компании сравнила науку с чемоданом, в котором пытаются провезти вредную политическую контрабанду). Кто бы подумал, что у академиков Митина и Презента найдутся сторонники в наши дни! Вот только деконструировать их самих не могли — тут же пожалуются, что на них написали политический донос.

Ну, а что же произошло с Клейном? Формально он больше не числится ни при каком учреждении — ни учебном, ни научном. Ломоносов уже описал такую ситуацию. Пользуясь его словами, не Клейна отставили от обоих университетов, а их — от него. А он, как и прежде, в центре огромного сообщества людей, верящих в науку и не верящих в то, что она — всего лишь оболочка для политики. Его изолированность не увеличилась, она исчезла. «Понимаешь, я не чувствую себя одним, — написал он мне на днях, — наоборот, в последнее время лед сломлен. И на родине меня принимают гораздо более всерьез, чем раньше, и за рубежом внимания больше, тут и книга Лича — симптом (имеется в виду книга: S. D. Leach. A Russian Perspective on Theoretical Archaeology: The Life and Work of Leo S. Klejn. Walnut Creek: Left Coast Press, 2015. — А. К.). И создание кафедры теоретической археологии в Лондонском университете. Не случайно предисловие к книге Лича написал Стив Шеннан, ее зав».

Что ж, все это замечательно. Дай бог Льву Самойловичу здоровья и сил!

Л. С. Клейн и Р. Дж. Коллингвуд об истории, археологии и криминалистике*

Резюме. В «Идее истории» Р. Дж. Коллингвуд отметил сходство между работой историка и работой детектива. В этом эссе я провожу мысль, что детективу на самом деле подобен не историк, а археолог. Обосновывая данное утверждение, я использую труды российского археолога Л. С. Клейна, который подробно исследовал как сходства между археологией и криминалистикой, так и различия между археологией и историей. По мнению Клейна, сходство между археологией и криминалистикой является в то же время и основным различием между археологией и историей. Сопоставление взглядов Коллингвуда и Клейна на историю, археологию и криминалистику интересно, в частности, потому, что они возникли в совершенно разной среде. Взгляды Коллингвуда формировались в довоенной Британии, а взгляды Клейна — в послевоенном Советском Союзе. Свою работу в области теории они также представляют по-разному: Коллингвуд считал себя философом истории, тогда как Клейн считает себя не философом, а теоретиком археологии. И тем не менее и их подходы, и некоторые из их выводов покоятся на некоторой общей основе. Как будет показано ниже, Клейн, сравнивая с детективом именно археолога, а не историка, ближе к истине, чем Коллингвуд, но за вычетом этого нюанса их взгляды на историю совместимы.

Ключевые слова: Л. С. Клейн, Р. Дж. Коллингвуд, история, археология, криминалистика.

S. L. Leach. S. Klejn and R. G. Collingwood on history, archaeology, and forensic science. R. G. Collingwood is well-known for noting, in *The Idea of History*, similarities between the work of the historian and the work of the detective. In this essay I argue that it is not the historian who is similar to the detective but rather the archaeologist. In presenting this argument I make use of the work of the Russian archaeologist L. S. Klejn, who has explored in detail both the similarities between archaeology and forensic science and the differences between archaeology and history. In Klejn's view the similarity between archaeology and forensic science is also the main difference between archaeology and history. Part of the interest in comparing the views of Collingwood and Klejn on history, archaeology and forensic science is that Collingwood and Klejn are from radically different backgrounds. Collingwood's views were formed in pre-war Britain whereas Klejn's views were formed in the post-war Soviet Union. How they conceive of their work on theory is also different: Collingwood saw himself as a philosopher of history; whereas Klejn sees himself not as a philosopher but as a theoretical archaeologist. Yet there is common ground in their approaches and in some of their conclusions. It will be argued that Klejn is more accurate than Collingwood in comparing the archaeologist — rather than the historian — to the detective; but, once this concession is made then their views of history can be reconciled.

Keywords: Leo S. Klejn, R. G. Collingwood, history, archaeology, forensic science.

* Перевод Л. Б. Вишняцкого. Оригинальный английский текст готовится к изданию в *The Journal of the Philosophy of History*.

Введение

Как бы мы ни оценивали достижения археолога, историка и философа Р. Дж. Коллингвуда, следует помнить, что он оставил свои труды незавершенными. Его самая известная книга, «Идея истории» (1946), отнюдь не задумывалась Коллингвудом именно в таком виде: она была составлена уже после его смерти его учеником Т. М. Ноксом. Отчасти, возможно, в результате редактирования Ноксом главная цель Коллингвуда в области философии истории часто истолковывалась неверно. В частности, Патрик Гарднер (и не он один) понял Коллингвуда так, будто бы он предписывал историкам некую методологию, которой они должны следовать. На самом же деле у него никогда не было такого намерения. Его цель была концептуальной и состояла в том, чтобы обнаружить скрытые логические основания истории. Коллингвуд утверждал, что такие основания необходимы для самого существования истории как научной дисциплины, пусть даже в реальности в ходе своей работы историки могли никогда не обсуждать их. Коллингвуд доказывал, что философ истории может, тем не менее, открыть эти скрытые исходные предпосылки (*presuppositions*) — он называл их «абсолютными предпосылками» — и, таким образом, установить сущностную разницу между историей и естественными науками.

Он был убежден, что различия между историей и естественными науками имеют глубинный характер. Когда историк заявляет, что понял какое-то из событий прошлого, он тем самым утверждает в имплицитной форме, что понял причину, обусловившую мотивацию и поведение агента исторического действия. Напротив, когда ученый-естественник заявляет, что понял некоторое событие, он тем самым утверждает, что понял, каким именно образом данное событие связано с тем или иным законом природы. Очевидно, что эти две формы объяснения имеют очень разную логическую структуру.

Коллингвуд был не только философом, но также археологом и историком. Однако он не смешивал эти дисциплины. Как философ он держался на достаточном расстоянии от того, что анализировал, и в этом отношении можно сказать, что метафизика была для него способом исследования второго порядка. (В словаре Коллингвуда метафизика — это та часть философии, которая занимается анализом исходных предпосылок других дисциплин.) Коллингвуд полагал, что интерес к исходным основам (*presupposed foundations*) различных наук, в том числе и к ее собственным основам, отличает философию от иных дисциплин. Действительно, для археолога или историка исследование логических оснований их работы не является делом первой необходимости.

Тем не менее, осмысление своей работы полезно и для историка, и для археолога, и из «Автобиографии» Коллингвуда ясно, что он не считал, что его метафизические изыскания никак не сказывались на исторических и археологических исследованиях. Более того, Коллингвуда интересовали не только вопросы о том, что имеет в виду историк, когда заявляет, будто понял некое событие, и о том, как вообще можно понять действия других людей, но также и вопрос о том, каким образом возможно реконструировать события прошлого.

Наиболее известной частью «Идеи истории», посвященной последней проблеме, является детектив под названием «Кто убил Джона Доу?». Его можно найти в завершающих книгу дополнениях (эпилегоменах), а также еще в одном месте, где Коллингвуд и намеревался его поместить, а именно в первой главе «Принципов истории». В «Принципах истории» (неоконченная работа,

опубликованная в 1999 г.), возможно, лучше, чем в «Идее истории» видно, что «Кто убил Джона Доу?» имеет основным содержанием рассмотрение вопроса о том, как добывается надежное знание о прошлом. В других работах Коллингвуда занимает, прежде всего, проблема логической формы успешного исторического объяснения. Между двумя этими вопросами имеется тонкое, но существенное различие.

Ответ Коллингвуда на вопрос, как мы получаем пусть и элементарное, но надежное знание о событиях прошлого, заключается в том, что историк, подобно детективу, прослеживает в уме логические связи между этими событиями таким образом, что в конце концов мысленная их реконструкция приводит его к гипотезе, которая может быть подтверждена или опровергнута уликами, найденными, так сказать, на месте событий.

Однако:

Методы уголовного розыска не во всем тождественны методам научной истории, потому что нетождественны их конечные цели. В руках уголовного суда жизнь и свобода гражданина, и в странах, где граждане считаются обладающими какими-то правами, суды поэтому обязаны действовать, и действовать быстро¹.

В противоположность этому:

Историк совсем не обязан прийти к какому-нибудь решению в заданный интервал времени. Для него существенно только одно — правильность принимаемого им решения, а это значит, что последнее с необходимостью должно вытекать из имеющихся в его распоряжении данных.

Здесь, я полагаю, Коллингвуд делает три ошибки. Первая и наиболее очевидная в том, что он смешивает работу детектива с работой судебных органов. Ведь как бы там ни было, но в компетенцию детектива не входит признание подозреваемых виновными или невиновными. Во-вторых, и над археологом, и над историком довлеют конечные сроки, включая и тот главный, что проистекает из их смертности. Но если историк может позволить себе роскошь предполагать, то у суда такого права нет. Приговор судьи не может иметь предположительную форму. Поэтому для судебной истории важно, прежде всего, чтобы оно было точным («вне разумных оснований для сомнений»), тогда как для решений, принимаемых историком или археологом, подобный или близкий уровень определенности не обязателен. Если в суде невозможно принять такое решение, чтобы не осталось разумных оснований для сомнений, то должен быть вынесен вердикт «невиновен» или, как это принято формулировать в некоторых странах, «невиновен за недоказанностью». В этом плане именно суду, а не историку приходится стремиться к максимально возможной определенности.

В-третьих, если говорить строго, с криминалистикой сопоставима не история, а археология. Конечно, один и тот же человек может быть и археологом, и историком, примером чему и сам Коллингвуд, и многие другие, но концептуально археология и история остаются разными дисциплинами.

В настоящем эссе я опираюсь на работы Л. С. Клейна, для того чтобы обосновать третий из этих тезисов. Клейн много — возможно, больше, чем

¹ Все цитаты из опубликованных работ Р. Дж. Коллингвуда даются здесь в переводе Ю. А. Асеева по академическому русскому изданию трудов английского ученого (Р. Дж. Коллингвуд. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980).

какой-либо другой автор — писал о параллелях между археологией и криминалистикой. Он придерживается твердого убеждения, что с последней схожа не история, а именно археология, и что это ее сходство с криминалистикой составляет главное различие между ней и историей. До недавнего времени труды Клейна были мало известны на Западе, но я полагаю, они заинтересуют любого, кто интересуется сходствами и различиями между историей, археологией и криминалистикой. В это число войдут и все те философы истории, кому интересен не завершённый Коллингвудом проект по выявлению различий между историей и естественными науками.

Следует признать, что сам Коллингвуд на удивление мало написал о различиях между историей и археологией. Ниже я покажу, что работы Клейна позволяют как поправить Коллингвуда в том, что касается сравнений с криминалистикой, так и дополнить его в том, что касается концептуальных различий между археологией и историей.

Коллингвуд и Клейн

Сравнивая работу Коллингвуда и Клейна, следует, прежде всего, заметить, что Клейн не философ, и у него нет желания, чтобы его принимали за философа. По его мнению, философские дискуссии никуда не ведут, поскольку любые получаемые в их ходе выводы не поддаются проверке эмпирическими данными. Клейн историк и археолог, а главные его интересы как археолога связаны с теоретической археологией.

Теоретическая археология — это отрасль археологии, которая получила развитие в послеколлингвудовское время. Можно полагать, однако, что Коллингвуд сочувственно отнесся бы к этому направлению. Ведь при всех расхождениях между ними археологи-теоретики согласны в том, что для археологической практики необходимо осмысление самое себя, необходимо для того, чтобы правильно ставить вопросы: такие вопросы, которые вынудят сырой материал дать новую информацию. Важность такого самоосмысления четко выражена в первом из коллингвудовских принципов «исторических исследований»:

Никогда не начинайте раскопки старого поселения, которые обойдутся в пять тысяч фунтов, или даже вскрытие траншеи, которое будет стоить пять шиллингов, если вы не уверены, что можете вполне удовлетворительно ответить на вопрос: «Какова цель этой работы?».

Коллингвуд не утверждал, что этот принцип изобрел он сам, но он определенно заявлял, что в 1920-е годы он был одним из немногих, наряду с Мортимером Уилером, кто пропагандировал эту мысль вопреки упорному ее неприятию. В гораздо более раннее время этот же принцип можно обнаружить в работе археолога Флиндерса Петри: «Старая поговорка, что человек находит только то, что он ищет, совершенно справедлива; если же человек не обладает проницательностью, достаточной, чтобы позволить ему найти то, что он ищет, то тогда грустная истина сведется к тому, что он не может найти ничего, кроме того, что ищет».

Коллингвуд считал, что этот принцип глубоко укоренился в головах ученых, и писал, что его «поэтому больше не тревожит будущее этого принципа». Действительно, беспокоиться не стоило: за прошедшее с тех пор время рассматриваемый принцип, несмотря на отдельные попытки сопротивления, пустил

даже еще более глубокие корни. В теоретической археологии, выросшей в конце 1960-х — начале 1970-х годов из археологии практической и ради нее, он, можно считать, достиг своего расцвета.

Тем не менее, хотя Коллингвуд и отстаивал один из принципов, лежащих в основании теоретической археологии, не следует рассматривать его самого как археолога-теоретика. Во-первых, в те времена и понятия этого еще не было, а во-вторых, для Коллингвуда выявление оснований истории и археологии было занятием, представлявшим, главным образом, метафизический интерес. В этом отличие от современной теоретической археологии, которая является — или стремится быть — эмпирически ориентированной. Клейн решительно настаивает на последнем, отвергая мысль, что теория может сама по себе составлять автономную дисциплину второго порядка как «полную чушь». По его мнению, теория начинается и кончается вместе с практикой. Он полагает, что любая теория успешна лишь постольку, поскольку она служит для создания успешной методологии, которая может быть с пользой применена в эмпирических исследованиях.

Если суммировать, то основное различие между Коллингвудом и Клейном в том, что, хотя Коллингвуд и подчеркивал, что метафизик должен досконально знать ту дисциплину, исследованием которой он занимается, и считал, что его собственная работа в философии будет иметь последствия для истории и археологии, он — как теоретик — писал главным образом для философов. Напротив, Клейн использует теорию, прежде всего, в надежде оказать влияние на других археологов.

Отметив это важное различие, необходимо сказать также и о сходствах между Клейном и Коллингвудом. Как и Коллингвуд, Клейн полагает, что теоретик должен начинать с изучения методик тех исследований, которые служат общепризнанными примерами успешного решения практических задач. Проясняя причины успеха этих работ, теоретик надеется способствовать успеху будущих исследований. Здесь, признает Клейн, есть элемент цикличности, но это, по его мнению, благотворная цикличность.

Клейн о предмете, задачах и методологии археологии

Для Клейна важно подчеркнуть существование границы между археологией и историей, и по этой причине он придает такое значение сходству между археологией и криминалистикой. Именно это сходство, утверждает он, и отделяет археологию от истории. Для Клейна этот пункт имеет большое значение, поскольку в советские времена — времена официального господства философии исторического материализма — археология практически не признавалась в качестве отдельной науки. Поэтому, пишет он, «я... всю свою работу в теории посвятил разработке такой системы теорий и методов, которые бы обеспечили строгость и объективность археологического познания, чтобы археология была способна противостоять конъюнктурным замыслам» (Клейн 2004: 36)².

По мнению Клейна, опыт советской археологии учит тому, что «понимание археологии как разновидности истории приводит не только к представлению

² Цитаты из работ Л. С. Клейна даются здесь не в обратном переводе, а по русским оригиналам, которые в каких-то деталях могут отличаться от используемых С. Личем английских изданий.

о ненужности собственно археологической теории, но и к небрежению собственно археологическими методами — критикой источников, строгими принципами типологического и картографического методов, критериями доказанности предметных связей и т. п.» (Клейн 1993: 42). Он доказывает, что археология — это самостоятельная наука, отдельная от истории, хотя и смежная с ней.

Клейн не думает, что археология и история находятся в подчиненном или господствующем положении по отношению одна к другой. Тем не менее, разграничительная линия, которую он между ними проводит, скорее горизонтальная, чем вертикальная. На протяжении большей части советской эпохи считалось, что граница между археологией и историей — если между ними вообще следует проводить границу — должна быть вертикальной, а археология в этом случае должна считаться просто синонимом преистории. Предполагалось, что прошлое можно прочесть по вещественным источникам точно так же, как можно прочесть о нем в книге.

Клейн убежден, что археология отличается от истории по своему предмету, по своей задаче и по своей методике, и во всех трех названных отношениях она ближе к криминалистике, чем к истории.

Предмет

Археолог имеет дело, прежде всего, с бессловесными вещами, он обычно лишен «канала письменной коммуникации» с прошлым. Ему по необходимости приходится иметь дело с тем, что Клейн называет «двойным разрывом». Что же он под этим подразумевает?

Без предварительной переработки информация, запечатленная в вещах, непригодна к научному использованию. Нужно ее перекодировать, и при этом дважды. Сначала ее нужно перевести с того, что фигурально называют «языком вещей» на любой из естественных языков — русский, английский, немецкий и т. п. То есть описать вещи, их признаки и соотношения. На этом этапе гораздо больше, чем в истории, приходится пользоваться специальной терминологией. Затем, сопоставляя полученные сведения с другими, нужно установить, какие события и процессы отразились в описанных вещественных источниках. Только теперь информация обрела требуемую исторической наукой форму (Клейн 2004: 119).

Иными словами археолог (1) описывает найденные артефакты, (2) описывает их происхождение и то, как они попали туда, где были найдены (принимая при этом во внимание и процесс их разрушения, который историку учитывать не приходится), и лишь после этого передает свои заключения историку. Историку же, в отличие от археолога, хотя он и может отметить, например, качество выделки кожаных изделий, представленных в коллекции средневекового памятника, не приходится иметь дело с этими вещами в том виде, в каком они извлекаются из земли (покрытые глиной или грязевой коркой). Историк будет иметь с ними дело лишь опосредованно благодаря археологическим отчетам об этих находках. Таким образом, историка отделяет от его объекта не двойной, а одинарный разрыв.

Здесь возможно возражение, что археолог тоже имеет дело с письменными источниками, например с древними надписями. Клейн охотно это признаёт, но утверждает, что даже и в этом случае археолог стремится ответить не на те вопросы, которыми занимается историк. Археолог пытается ответить

на вопросы «кто? что? где? когда? каким образом? зачем? как? и почему?», но при этом вопрос «почему?» занимает подчиненное положение по отношению ко всем остальным, и может быть задан лишь для того, чтобы ответить на один из этих остальных (основных) вопросов. Отвечая на них, археолог должен руководствоваться, прежде всего, материальными особенностями артефактов. В противоположность этому историка интересует, прежде всего, вопрос «почему?», и любой другой вопрос будет служить решению этого. Отвечая на него, историку нет нужды обращать особое внимание на материальные особенности артефактов.

Клейн поясняет тезис о различии между археологией — и сходстве между археологией и криминалистикой — следующим образом:

Верно, в работе археолога есть такой элемент — «почему», но он в конечном счете подчинен вопросу «что произошло?». Например, археолог может спрашивать, «почему этот артефакт фрагментирован таким образом?» или «почему этот сосуд поставлен в эту яму?», но не «почему эта культура продвинулась в этом направлении?». Это уже вопрос преисторика или историка. Подобным же образом детектив может спрашивать, «почему этот кошелек оказался в этом кармане?», но не «почему этот человек оказался воров?» (Лич 2011).

Подтверждение схождения, существующего в этом отношении между археологическим исследованием и детективным расследованием, можно получить, если обратиться к руководствам по криминалистике. Например, согласно Брудерсу (Broeders), детектива, прежде всего, волнуют вопросы «кто, что, где, когда, каким образом и, в меньшей степени, почему».

Задача

Первостепенной задачей археолога является реконструкция событий: «Если в истории реконструкция лишь одна из задач, то в археологии к ней сводится всё» (Клейн 2005: 154–155). Коль скоро гипотетическая реконструкция получена, она передается историку для дальнейшей работы. Сходным же образом, и первостепенной задачей детектива тоже является реконструкция событий. Но коль скоро детектив установил, например, кто произвел выстрел, дальнейшие вопросы о том, почему выстрел был произведен — это уже не его прерогатива, хотя они могут обсуждаться коллегией присяжных.

Клейн любит говорить, что археолог — это детектив, который прибыл на место преступления с опозданием на тысячу лет. Здесь имеется в виду вовсе не то, что археолога могут интересовать лишь события, случившиеся достаточно давно, имеющие определенную минимальную древность, а то, что задачи археолога и детектива одни и те же — реконструкция событий, восстановление «событий и процессов прошлого по материальным следам и фрагментарным остаткам». Различаются лишь цели, для которых потом используются результаты их работы. В одном случае они служат историку, в другом — суду.

Главная задача археологии заключается в «переводе информации с языка вещей на язык истории, язык исторических явлений, событий и процессов» (при этом, предупреждает Клейн, надо учитывать, что язык вещей полисемантичен в гораздо большей степени, чем наш язык). После того как такой перевод завершен, интерпретация археологического памятника и археологических артефактов становится доступной для историка в форме отчета или книги. Таким

образом, будучи концептуально разными науками, археология и история связаны очень тесными «деловыми отношениями»:

Археология, безусловно, связана с историей, но связана деловыми отношениями — как партнер. В остальном они не только не идентичны друг другу, но даже не родственны. Они разной методологической природы. Если история — индивидуализирующая наука, а с учетом индивидуальности человеческих произведений — гуманитарная, то археология — нет. И это кардинальное различие (Клейн 2004: 159).

Методика

Для того чтобы преодолеть первый из двух разрывов, отделяющих его от понимания события прошлого, археолог опирается на типологию (в гораздо большей степени, чем историк). Для него типология имеет определяющее значение. В этом плане методика археолога та же, что и методика детектива. Пусть детектива обычно больше интересует классификация пуль и групп крови, а археолога — классификация горшков и монет, оба они «ищут вещи, принадлежащие к одному типу или классу, а также ищут аналогии в других, уже известных комплексах».

Клейн пишет, что археолог находится в том же положении, что детектив, нашедший на месте преступления сигаретный окуроч:

Оставлен ли окуроч преступником, жертвой, свидетелем или случайным прохожим, который ничего не видел? Выкурена ли сигарета в момент и на месте события, интересующего следствие, или пепел сброшен с нее до события? Список возможных соответствий между вещами и событиями не безграничен — вполне очевидно, что сигарету не выкурила ни лошадь преступника, ни собака следователя, — но всё же список очень велик и трудно гарантировать его полноту (Клейн 2004: 123).

Согласно Клейну, «история стремится проникнуться неповторимостью событий и героев, тогда как археология одержима обобщением, типизацией, и «тип» — ее центральное понятие» (Клейн 2004: 146). То же самое относится и к криминалистике: она занимается установлением типичного.

Неудивительно поэтому, что археология и криминалистика оказывали плодотворное воздействие друг на друга. Заимствование методов археологии криминалистикой хорошо известно. Менее известно участие детективов в расследовании археологических подделок. В качестве примеров последнего Клейн приводит дела о глозельской фальшивке и тиаре Сайтаферна. В случае с изучением отпечатков пальцев мы имеем пример метода, который был порожден интересом к следам пальцев гончаров на древних сосудах, затем был взят на вооружение полицией, а недавно вновь вернулся в археологию.

Согласовывая Клейна с Коллингвудом

Хотя Коллингвуд в «Идее истории» сравнивал с детективом историка, согласовать Клейна и Коллингвуда нетрудно. Коллингвуд размышлял над сходством с криминалистикой начиная с 1920-х годов, а в детективной литературе этого и последующего десятилетия общим местом было сравнение криминалистики

с археологией. Первое свидетельство наличия такого сравнения в работе Коллингвуда можно найти в отчете о докладе, прочитанном им в 1928 г.:

Мистер Р. Дж. Коллингвуд из оксфордского Пембрук-колледжа прочел вчера в Холле философии Лидса лекцию на тему «Новые успехи в изучении Адрианова вала» для членов Лидского философско-литературного общества, сопроводив ее показом диапозитивов. Он и мистер Джеральд Симпсон в последние годы были заняты исследованием этого римского вала, причем мистер Коллингвуд уподобляет их исследование распутыванию тайны Шерлоком Холмсом. «Сам я являюсь доктором Ватсоном», заявил мистер Коллингвуд, и на протяжении всей лекции он старался облечь свой рассказ в одежды детективной истории (The Yorkshire Post, 19 декабря 1928 г.).

Вполне можно считать, что в данном случае Коллингвуд рассказывает о своих находках и проводит сравнения с детективом как археолог.

Как уже упоминалось, Коллингвуд мало говорит о различиях между археологией и историей, не вдаваясь специально в обсуждение этой темы. Однако там, где у него все же заходит речь о различиях, он близок Клейну. Например, в неопубликованных рукописях он использует термин «критическая история» как синоним археологии, описывая ее следующим образом:

Критическая история классифицирует ее источники по группам, а затем делит эти группы на более дробные, а затем снова делит, вырабатывая правила оперирования разными подразделениями. В целом этот метод представляет собой некую отвлеченную или классификационную науку, которая не имеет общепринятого названия, если только не называть ее археологией, и которая делится на множество субдисциплин.

Это вполне соответствует клейновскому пониманию археологии. Равным образом и описание Коллингвудом в «Принципах истории» сбора и классификации материала, осуществляемых археологией, как существенного предварительного условия написания истории, также соответствует концепции Клейна. Среди работ Коллингвуда есть книга, посвященная исключительно археологическим материалам. Это его «Археология римской Британии» (1930). В предисловии он характеризует ее как «руководство сугубо по археологии, а не по истории». Эта книга, мало читанная исследователями творчества Коллингвуда и теперь уже устаревшая в результате проведенных с тех пор археологических исследований, полностью состоит из различных непересекающихся классификаций: монет, керамики, планов поселений, планов вилл и т. д. (возможно, неслучайно, что работа над этой книгой непосредственно предшествовала началу работы над «Очерком философского метода» (1933), где Коллингвуд подробно описал системы непересекающейся научной классификации, противопоставив их системам пересекающейся философской классификации).

Но может быть, то, что Коллингвуд сравнивал с детективом историка, а не археолога, объясняется простой небрежностью? Это предположение было бы допустимо, если бы не то обстоятельство, что в «Идее истории» Коллингвуд пишет об археологии как о «методологии истории». Следовательно, мы имеем дело с ошибкой иного сорта. Это принципиальная ошибка, поскольку для археологии, как описывают ее и Клейн, и сам Коллингвуд в предисловии к «Археологии

римской Британии» (и как она предстает на практике в этой же его книге), вопрос «почему?» не имеет первоочередного значения. Не имеет он его и для криминалистики, как явствует из руководств по этой дисциплине. Для истории же, пусть даже истории, написанной, как коллингвудовская книга «Римская Британия и английские поселения» (1936), в основном по археологическим данным, приоритетным является именно этот вопрос.

Клейновское сравнение не только ближе к истине, чем коллингвудовское, но оно также, как кажется, точнее описывает отношения между историей, археологией и криминалистикой. Однако моя критика Коллингвуда не распространяется на его выводы относительно фундаментальной природы истории. Сохраняет силу его положение — разделяемое и Клейном, — что история является по своей сути гуманитарной дисциплиной, занятой, прежде всего, поисками ответа на вопрос «почему?». Сохраняет силу и тезис, что получение удовлетворительного ответа на этот вопрос предполагает выявление мотивов, лежащих в основе поведения агента исторического действия. История как таковая — это гуманитарная дисциплина, но она зависит от данных археологии — дисциплины, по существу, позитивистской. И наоборот, археология может зависеть от истории, поскольку среди множества вопросов, мотивирующих исследовательскую активность археолога, могут быть и вопросы, возникшие внутри исторической науки.

Конечно, один и тот же человек может быть одновременно и историком, и археологом — примером чему сами Коллингвуд и Клейн, — но при этом обе дисциплины все же остаются концептуально различными.

Сказанное не означает, конечно, что и на более глубоком уровне между археологией и историей тоже не существует сходств. Например, и в археологии, и в истории — и во многих других научных дисциплинах (но не в философии) — неизменно проводится различие между данными и их интерпретацией. В случае с археологией данные — это (1) исходные материалы (памятники и артефакты) и (2) описания этих материалов, причем (2) является интерпретацией по отношению к (1), но в то же время данными по отношению к заключительным выводам археолога о том, «что произошло». Это отражает то уже упоминавшееся выше обстоятельство, что археолог имеет дело с двойным разрывом между ним и его источниками. Он должен сначала описать найденные артефакты, а затем, с учетом процессов разрушения, описать их происхождение и то, как они оказались там, где были найдены.

Однако самая главная причина, по которой следует различать данные и интерпретацию, связана с уже высказанным ранее замечанием о том, что ни один историк — равно как и ни один археолог или криминалист — не свободен от давления конечных сроков. В один прекрасный день в будущем прежняя интерпретация может быть отринута или модифицирована, данные же при этом могут сохранить некоторую ценность. Но здесь мы выходим на более глубокий уровень, нежели уровень видимых основ истории, археологии и криминалистики — мы оказываемся на уровне их скрытых абсолютных предпосылок. Реальность в том, что история и археология расходятся в самих своих основах, поскольку приоритетными для них являются разные вопросы. Что же касается различий между археологией и криминалистикой, то возможно, как полагает Клейн, главное из них — это всего лишь различие целей.

Заключение

Итак, можно утверждать, что Клейн, сравнивая с детективом именно археолога, а не историка, ближе к истине, чем Коллингвуд, но за вычетом этого нюанса их взгляды относительно легко поддаются согласованию. Сопоставление их взглядов интересно, в частности, потому, что они возникли в совершенно разной среде. Идеи Коллингвуда формировались в Британии периода между двух мировых войн, а идеи Клейна — в послевоенном Советском Союзе. Кажется странным, что Коллингвуд уделил столь мало внимания различиям между археологией и историей, но нужно помнить, что он оставил свою философию истории незавершенной. Что касается Клейна, то его внимание к этому вопросу вполне понятно, поскольку, как он показал в своих работах, в Советском Союзе автономия археологии как научной дисциплины была под угрозой. Перед лицом этой угрозы он и другие археологи в СССР и задались вопросом о том, что же именно отличает археологию от истории.

Хотелось бы думать, что этот очерк благодаря использованию в нем идей Клейна будет способствовать укреплению коллингвудовской философии истории. Во всяком случае, я надеюсь, мне удалось показать, что если оставить границу между историей и археологией неясной и неопределенной, то и разногласия относительно природы истории и природы археологии тоже, скорее всего, останутся неразрешенными. Такое состояние дел не может удовлетворять ни историка, ни археолога, ни детектива, как не может оно удовлетворять и философа, ибо, как писал Кант³, «смещение границ различных наук ведет не к расширению этих наук, а к искажению их».

Возможно, сам Клейн и не слишком благоговеет перед философией, но с этими словами Канта, я думаю, он согласится.

Литература

Клейн Л. С. 1993. Феномен советской археологии. СПб.: Фан.

Клейн Л. С. 2004. Введение в теоретическую археологию. СПб.: Бельведер.

Лич С. 2011. В беседах с Л. С. Клейном // Лынша В. А., Тарасенко В. Н. (ред.). Актуальные проблемы Сибири и Дальнего Востока. Уссурийск: Изд-во Уссурийского педагогического ин-та, 36–44.

³ В предисловии ко второму изданию «Критики чистого разума». *Прим. перев.*

Л. С. Клейн как историк археологии

Резюме. В статье рассматриваются публикации Л. С. Клейна, полностью или частично связанные с историей археологии. Его первые работы в этой области появились еще в 1960-е гг., но главные книги вышли в начале XXI столетия. Особенно следует отметить двухтомник 2011 г. «История археологической мысли», ставший одним из наиболее значимых и фундаментальных трудов по истории археологии в мировом масштабе. Совокупность этих работ позволяет охарактеризовать Л. С. Клейна как крупнейшего специалиста по истории археологии, внесшего огромный вклад в ее изучение и популяризацию.

Ключевые слова: история археологии, Л. С. Клейн.

I. L. Tikhonov. L. S. Klejn as a historian of archaeology. The paper presents an overview of L. S. Klejn's publications partly or entirely devoted to the history of archaeology. His first works in this field appeared as early as the 1960s, but the principal books were published in the beginning of the present century. Worthy of special note is a two-volume book «The History of Archaeological Thought» (2011), which is one of the most fundamental studies of the subject on a global scale. The author concludes that L. S. Klejn's works are a great contribution both to the study of the history of archaeology and its popularization.

Keywords: history of archaeology, L. S. Klejn.

Среди более чем полутысячи опубликованных работ Льва Самуиловича Клейна не менее четырех десятков, полностью или частично, связаны с историей мировой и отечественной археологии. Это несколько солидных монографий, серия статей, тезисов докладов и рецензий. Его труды в этой области вызывают неподдельный интерес и среди профессионалов, и у широкой публики. Сам был свидетелем, как активно раскупали участники III (XIX) Всероссийского археологического съезда, проходившего осенью 2011 г. в Новгороде и Старой Руссе, только что вышедший двухтомник «История археологической мысли» (Клейн 2011).

Первые работы Л. С. Клейна в этой области появились еще в 1960-е гг. Это были публикации к юбилею его учителя М. И. Артамонова (Клейн 1961; 1968а; Клейн, Шилов 1968) и статьи, анализирующие взгляды основоположников марксизма на первобытную археологию и ее связи с этнографией (Клейн 1968б; 1968в; 1970).

Отличное владение иностранными языками позволяло ему следить за зарубежной литературой и публиковаться за рубежом. В 1974 г. в восточногерманском журнале появилась большая статья Л. С. Клейна, посвященная анализу научной деятельности и личности известного немецкого археолога Густава Коссины (Klejn 1974). Статья вызвала большой интерес в немецкой археологии по обе стороны железного занавеса, в том числе и у прямых учеников Коссины. Дело в том, что в ней впервые были четко систематизированы и сформулированы методы работы ученого, имя которого стало одиозным из-за использования

его идей нацистской пропагандой. В советской литературе Коссина упоминался только в ругательном контексте. Впервые было детально рассмотрено отношение к работам ученого и при его жизни, и после смерти. Л. С. Клейн показал значимость трудов Коссины для внедрения картографического метода и становления этногенетической проблематики в первобытной археологии Европы, несмотря на все его ошибки и заблуждения. По сути это было первой попыткой реабилитации научного реноме крайне противоречивой, но весьма заметной фигуры в истории археологии XX столетия. Через четверть века в международном журнале *Stratum plus* появилась значительно расширенная и дополненная версия этой статьи на русском языке (Клейн, 2000). А через три года в Берлине в Университете Гумбольдта состоялась конференция «Die Anfänge der ur- und frühgeschichtlichen Archäologie als akademisches Fach (1890–1930) im europäischen Vergleich. (The beginnings of academic pre- and protohistoric archaeology (1890–1930) in European perspective)», приуроченная к столетию начала профессорской деятельности Г. Коссины в Берлинском университете. Доклады, прозвучавшие там, подтвердили правильность подхода и оценок Л. С. Клейна.

В определенной степени историографический характер имела и нашумевшая большая статья 1977 г. «A panorama of theoretical archaeology» (Klejn 1977), являвшаяся критическим разбором трудов по теоретической археологии, выходивших на Западе в 1960–1973 гг. С точки зрения Льва Самуиловича история археологии вообще, или, по крайней мере, история археологической мысли является составной частью теоретической археологии. Эта англоязычная статья была переведена на несколько других иностранных языков и вызвала множество откликов в зарубежных изданиях.

Следующей заметной работой в области историографии стал «Феномен советской археологии», вышедший одновременно на русском и испанском языках (Клейн 1993; Klejn 1993a). Основой книги послужила статья Л. С. Клейна 1982 г., опубликованная в *World Archaeology* под тремя фамилиями (вместе с учениками) (Bulkina, Klejn, Lebedev 1982). Собственно истории советской археологии в привычном хронологическом порядке изложения в этой книге была посвящена вторая глава, и хотя она являлась скорее ярким и насущным произведением в публицистическом жанре, чем строго научным исследованием, многие основные черты и тенденции там были обрисованы верно. Следующие главы рассматривали в большей степени не событийную историю советской археологии, а ее специфику в послевоенный период, который автор имел возможность непосредственно наблюдать и даже участвовать в событиях. Важнейшими достижениями книги стала одна из первых свободных от идеологической цензуры оценка влияния марксизма на отечественную археологию и выделение семи направлений, сложившихся в ней в 1960–1970-е гг. и отличающихся по используемой методологии и приоритетным целям изучения. В качестве приложения к книге был помещен очерк о сложных и противоречивых взаимоотношениях Гордона Чайлда с советской археологией. Через несколько лет вышел вариант этой книги на немецком языке (Klejn 1997). Он заметно отличался от предшествующих большим объемом, поскольку туда были включены биографические очерки о крупнейших деятелях советской археологии.

С 1990-х гг. Л. С. Клейн стал участвовать в отечественных и зарубежных научных конференциях историографического характера. На конференции «Проблемы истории отечественной археологии», организованной в конце 1990 г.

возникшим в Ленинградском университете семинаром по истории археологии, он представил доклад об основных направлениях в археологии предреволюционной России (Клейн 1993а). По характеру участников эта конференция стала первым всесоюзным форумом подобной направленности, а пока издавались тезисы ее докладов, СССР распался, так что она оказалась и последней. В сборнике трудов семинара Л. С. Клейн поместил обстоятельную рецензию на книгу Г. С. Лебедева по истории отечественной археологии (Клейн 1995).

В 1992 г. он принял участие в Лондонской конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Гордона Чайлда (Klejn 1994). Затем была череда юбилейных конференций, посвященных 150-летию Ф. К. Волкова (Клейн 1997) и А. А. Спицына (Клейн 2008а); 100-летию М. И. Артамонова (Клейн 1998б) и Г. Ф. Корзухиной (Клейн 2006), Н. П. Кондакову (Клейн 2005). Все доклады на этих конференциях являлись попыткой определить место и роль этих ученых в истории мировой и отечественной археологии, соотнести их творчество с ведущими направлениями в науке и развитием ее методологии. На конференции, посвященной 70-летию исторического факультета, Л. С. Клейн впервые представил свою классификацию типажей российских ученых прошлого, основанную на их специфической роли в истории науки (Клейн 2004). Позднее она была использована в его двухтомнике по истории российской археологии.

На уже упоминаемой конференции в Берлинском университете мне выпала честь представить наш совместный доклад о начале университетской археологии в России (Klejn, Tikhonov 2006). В материалах конференции по истории археологии, прошедшей в 2004 г. в Гетеборге, Л. С. Клейн поместил заключительный обзор представленных на ней пленарных докладов (Klejn 2004).

Л. С. Клейн написал несколько рецензий на вышедшие за рубежом издания по истории археологии: на сборник, посвященный проблемам взаимоотношения археологии и идеологии в Германии в XX в. (Клейн 2007); на статью Г. Коссака об истории и современном состоянии первобытной археологии в Германии в норвежском археологическом журнале (Klejn 1993b); на фундаментальный труд немецкого профессора Г. Грюнерта о биографии Г. Коссины (Клейн 2008б). Рецензированию подверглось второе издание «Истории археологической мысли» Брюса Триггера (Klejn 2007), а после кончины канадского ученого, последовавшей в 2006 г., Лев Самуилович, отдавая дань памяти коллеги, опубликовал статью, анализирующую его роль в мировой археологии и ее истории (Klejn 2008).

В оксфордском справочнике по археологии появилась статья об истории европейской археологии до 1900 г. (Klejn 1996). Особо следует отметить участие в первой и пока единственной «Энциклопедии по истории археологии», изданной под редакцией австралийского профессора Тима Марри. Кроме общего очерка о России, Лев Самуилович поместил там биографические очерки о Г. Косинне, Г. Шлимане, Н. П. Кондакове, В. А. Городцове (Klejn 1999а, b, c, d).

Но это все было всего лишь прелюдией! Свои основные труды по историографии Л. С. Клейн выпустил в свет, перешагнув порог восьмидесятилетия. В 2009 г. вышли сразу две книги, в которых историографическая составляющая играет заметную роль. Монография о «Новой археологии» (Клейн 2009а) детально разбирала теоретические основы одного из самых заметных и влиятельных направлений в археологии США и Западной Европы в 1960–1970-е гг. Дитя эпохи научно-технической революции — новая археология с ее ориентацией на точные и естественные науки, с попытками придать процедуре исследования

артефактов строго научный характер, сыграла очень заметную роль и в развитии теоретической базы археологии, и в применении конкретных методов изучения материала. Начало создания основной части этой книги было положено Л. С. Клейном еще в 1970-е гг. Протоколы заседания кафедры археологии ЛГУ за 1972/1973 учебный год сохранили записи об изменении темы его будущей докторской диссертации. Новая тема формулировалась как «Новая археология. Критический анализ современного направления археологии Запада», и книгу с таким названием было предложено включить в план изданий Исторического факультета ЛГУ на 1974 г. (ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 24. Д. 267. Л. 60б, 160б.). О непростой судьбе этой рукописи, утерянной в Новосибирске, автор написал в предисловии (Клейн 2009а: 9). Прошло 35 лет, и книга вышла, правда, издал ее уже Донецкий национальный университет. Так что рукописи не горят, но иногда теряются, и, слава богу, потом находятся!

Вторая книга — «Спор о варягах» (Клейн 2009б) была посвящена продолжающейся с середины XVIII в. дискуссии о роли норманнов на ранних этапах русской истории. К сожалению, и тогда, и позднее дискуссия очень часто выходила за рамки науки и приобретала политический и идеологический характер. Начало такому подходу положил еще Михайло Ломоносов, обвинив своего оппонента Г. Ф. Миллера в «политических ошибках» и апеллируя к властям. Книга содержит обстоятельный экскурс в историографию проблемы, биографический очерк о Миллере, детальное описание легендарной «варяжской дискуссии», состоявшейся в декабре 1965 г. на историческом факультете ЛГУ.

В 2010 г. вышли из печати мемуары Л. С. Клейна (Клейн 2010), пополнив полку воспоминаний, написанных археологами. До 1995 г. — посмертного выхода книги воспоминаний Б. Б. Пиотровского (Пиотровский 1995) (книги Б. Г. Федорова, М. Е. Массона, В. Я. Янина являлись не мемуарами, а рассказами о своей работе) такого жанра в литературе по истории отечественной археологии не существовало вовсе. Зато в первые полтора десятилетия XXI в. вышли в свет более десятка подобных трудов, созданных археологами прошлого или нашими современниками (см.: Тихонов 2015: 310). Но даже в этой немалой серии мемуары Л. С. заняли особое место. Строго говоря, это и не совсем воспоминания в привычном мемуарном стиле. В подзаголовке обозначено: «автобиография в монологах и диалогах», но и это не совсем точно. Существенную часть текста составляют отрывки из книг Л. С. Клейна, подобно цитатам, иллюстрирующие те или иные рассуждения автора. Лоскутный характер текста иногда затрудняет общее восприятие материала, а иногда наоборот делает его более выпуклым и четким. В немалой степени этому способствует использование в книге материалов многочисленных интервью, личной переписки, широкое привлечение различных документов. Книга хорошо проиллюстрирована, снабжена библиографией и указателями. Ну а без определенной степени субъективизма отдельных оценок и суждений, особенно о коллегах, представить себе мемуарный жанр вообще не возможно!

Трудный путь «вхождения в науку» по воспоминаниям Клейна представлен всеми этапами: от учительства через аспирантуру к началу преподавания в университете. Именно в этой главе автор уже полностью погружает читателя в глубины археологической науки и археологических источников. Одна за другой появляются на страницах книги «катакомбная культура», «спор о варягах», «прародина индоариев» и другие проблемы археологии, которыми жил научный мир 1950–1970-х годов. Рядом с наукой — личные дела и простые человеческие

проблемы, о которых автор тоже пишет с большим юмором. Романтические стихи, сопровождающие эти страницы воспоминаний, говорят о бесспорном поэтическом таланте автора (воистину: талантливый человек талантлив во всем!).

В разных главах книги мы имеем возможность познакомиться с обширным кругом научных проблем, к решению которых Л. С. Клейн обращался в разные периоды своей творческой работы: это земледельческий энеолит, культуры боевых топоров и шнуровой керамики Центральной Европы, бронзовый век степей, скифские и сарматские памятники, происхождение славян, норманнские древности, египетская хронология, филологические труды, посвященные составу Гомеровского эпоса, и многое другое. Взгляды автора часто радикально расходились с взглядами официальной советской науки и идеологии, создавая тернии на его пути, которые Л. С. Клейн преодолевал благодаря своему таланту, твердости характера, трудолюбию и внутренней дисциплине. Продолжает он отстаивать свою позицию и сейчас, часто выступая с публицистическими статьями и заметками по различным вопросам научной и общественно-политической жизни на страницах газеты «Троицкий вариант». Поэтому во многих местах автобиографическая книга приобретает остропублицистический характер. Так, например, ее заключительная часть и приложения содержат оценку положения дел в современной российской археологии, науке и высшей школе в целом, и даже мнение автора об уровне общественного состояния в нынешней России. Название книги, понятное только знакомым с романом советских писателей-фантастов братьев Стругацких «Трудно быть богом», порождено случайным эпизодом. Одну из своих давнишних рецензий на английский сборник об австралийских аборигенах Клейн, проводя сравнение участников сборника с героями романа Стругацких, назвал «Трудно быть богом» (Klejn 1993с). В Москве была пущена острота, что Клейн подготовил автобиографию с подобным названием. Корректируя по-своему эту остроту, Л. С. и назвал свою реальную научную автобиографию «Трудно быть Клейном».

В 2011 г. выходит «История археологической мысли» в двух томах (Клейн 2011). Книга эта беспрецедентна в нашей литературе! До ее выхода в ответ на вопрос студентов перед экзаменом: «Что нам почитать по истории зарубежной археологии?» я был вынужден отвечать — «Монгайта», имея в виду историографическую главу в первом томе «Археологии Западной Европы», написанной А. Л. Монгайтом почти полвека назад (Монгайт 1973: 10–59). Конечно, были еще «История зарубежной этнографии» С. А. Токарева (Токарев 1978), публикации по отдельным персоналиям или проблемам, но обобщающих работ не было. По объему, всеохватности, степени детализации, хронологическим и географическим рамкам, концептуальности и структурированности книга Л. С. Клейна значительно превосходит все, что было создано на русском языке на эту тему. Превосходит и зарубежные аналоги, прежде всего книгу Б. Триггера с аналогичным названием (Trigger 1989).

В мировой истории археологии наряду с многочисленными монографическими изданиями, или посвященными отдельным этапам и разделам сложения археологии как области знания и научной дисциплины, или рассматривающими эти процессы в отдельных странах, или рассказывающими об известных археологах прошлого, не так уж много работ, претендующих на полноту охвата всего материала, связанного с историей археологии. Книги Г. Кюна, Г.-Ю. Эггерса, К. Керама, Г. Даниела, Я. Малины и З. Вашичека, Б. Триггера, А. Шнаппа, У. Стибинга и других авторов стали серьезным вкладом в изучение истории